

© studio Ph Mazere

Француженка Мари-Бернадетт Дюпюи, редактор журнала Promenade, опубликовала более двадцати своих книг. Она начала писательскую карьеру с детективов, но именно ее саги о семейных тайнах, детях-сиротах, удивительных совпадениях и трудной любви принесли ей популярность. «Сиротка» — один из лучших ее романов!

Младенец, найденный на пороге монастырской школы, не походил на обыкновенного подкидыша. Голубоглазая крошка была завернута в дорогие меха, а значит, не нужда заставила родителей бросить свое дитя... Ангельский голос, которым Небеса одарили повзрослевшую девушку, сделал ее талисманом родного поселка, которому суждено опустеть. Она полюбит, но ее избранник надолго исчезнет из ее жизни... Так неужели и долгожданная встреча с матерью обернется разочарованием?

Сестра Мария Магдалина споткнулась о перевязанный в двух местах веревкой меховой пакет, который лежал у двери. Сердце женщины забило быстрее, когда она наклонилась, чтобы получше рассмотреть этот странный сверток...

— Ребенок! Совсем кроха! — воскликнула монахиня.

В окружении мехов она рассмотрела маленькое личико. Ошибки быть не могло.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6440-3

9 786171 264403

Сиротка

Книга 1

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сиротка

Книга 1

MARIE- BERNADETTE DUPUY

*L'enfant
des neiges*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сиротка

Книга 1

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Данное произведение было предложено издателю литературным агентством *Editio Dialog*, д-р Мишель Венцель, Лиль, Франция

Перевод с французского:
«L'enfant des neiges» by Marie-Bernadette Dupuy,
Les editions JCL inc., Chicoutimi (Quebec, Canada), 2008

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Стихи в переводе *Константина Беляева*

Предисловие *Е. Редьковская*

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-617-12-6440-3
ISBN 978-2-89431-391-6 (фр.)

- © Les editions JCL, Canada, 2008
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2011

Предисловие

Морозным зимним вечером на пороге монастырской школы обнаружен меховой сверток с младенцем — незаурядное происшествие для маленького поселка Валь-Жальбер, затерянного в снегах провинции Квебек, что в Канаде.

Попытки обнаружить горе-родителей не увенчались успехом, и вскоре девочка-найденыш стала любимицей монахинь, посвятивших себя служению Богу и обучению ребятишек. Записка, найденная при девочке, сообщала только ее имя — Мари-Эрмин и намекала на то, что когда-нибудь родители вернуться за брошенной дочерью. Малышка свято верит в это и молится о том, чтобы обрести семью. Вместо родной матери у нее теперь несколько приемных «мам», в числе которых сестра Мария Магдалина, с особым трепетом относящаяся к девочке, и Элизабет Маруа, простая домохозяйка, взявшаяся присматривать за Эрмин в часы занятости монахинь.

Кто мог знать тогда, что Мари-Эрмин и семью Маруа свяжут столь тесные узы? Она заменила Элизабет дочь, стала сестрой их первенцу Симону, нянькой — младшим детям, ну а для главы семейства, Жозефа, — протезе и потенциальной невесткой.

Судьба постаралась щедро компенсировать Эрмин утрату родных: у нее золотой характер, доброе сердце и исключительный вокальный талант, за который жители поселка прозвали ее «соловьем». В детстве она радует прихожан пением в церкви, но всем очевидно, что ее ждет большое будущее...

Вот только о чем мечтает сама Эрмин, мало кто знает. Ведь для того, чтобы быть счастливой, не обязательно блистать на сцене и ловить восхищенные взгляды поклонников. Выступления в отеле большого города, организованные Жозефом, ей в тягость. Однако лишь благодаря им произошло событие, которого она ждала всю жизнь. Эрмин встретила со своей родной матерью, Лорой, но эта встреча перевернула ее мир с ног на голову, поставила перед ней множество новых, более серьезных вопросов... Эрмин взрослеет на глазах, и ее сердце уже открыто для любви...

Благодаря истории девочки-сироты автору романа, Мари-Бернадетт Дюпюи, удалось также рассказать историю удивительного, реально существовавшего поселка. Мари-Эрмин росла, а дома хорошо обустроенного, до определенного момента богатого и людного Валь-Жальбера постепенно пустели, ведь закрылась целлюлозная фабрика, дававшая работу большинству жителей. Известно, что М.-Б. Дюпюи лично побывала в этом заброшенном поселке и подробно изучила его быт начала XX века. Вот почему роман наполнен не только вымыслом, но и множеством достоверных подробностей о событиях тех лет, о людях, послуживших прототипами героев.

Несмотря на свою молодость, Мари-Бернадетт Дюпюи уже выпустила более 20 книг, и все они очень разные. В ее биографии, как и в жанровом разнообразии ее произведений, проглядывает деятельная натура. Девушка всегда увлекалась историей, генеалогией и загадками, связанными с ними. Поэтому в идеях для новых романов у нее нет недостатка. Так и посещение Валь-Жальбера стало для воображения писательницы знаменательным событием.

Возможно, именно благодаря своей сиротской судьбе главная героиня романа наделена обостренным чувством родины. Ей очень грустно наблюдать умирание поселка, и она настаивает

на том, что не покинет его... Поистине, она играет роль доброго ангела Валь-Жальбера.

Еще одна славная способность девушки — делать друзьями всех людей, которые принимают участие в ее судьбе. Да, между ними возникают разногласия и ревность, однако, если бы не Мари-Эрмин, у них не было бы возможности подарить столько бескорыстной любви. Выразим надежду, что читатели романа также почувствуют, что вошли в этот замечательный дружеский круг.

От автора

Я с удовольствием посвящаю эту книгу Жан-Клоду Ларушу, человеку большого сердца, издателю, очень близкому своим авторам, чье детство прошло на берегу озера Сен-Жан, в Робервале. Пусть эти строки благодарности и дружбы станут моим маленьким подарком человеку, который открыл для меня Квебек и стал моим наставником в захватывающем мире литературного творчества

Предисловие редактора французского издания

Автор этого романа — великодушная Мари-Бернадетт Дюпюи, жительница Ангулема, захотела сделать мне подарок, зная, что я родился в Робервале и подростком часто бродил по руинам поселка Валь-Жальбер, который, кстати сказать, был закрыт для посещений.

Несколько часов, проведенных Мари-Бернадетт в этом поселке-призраке, произвели на нее глубокое впечатление, и вид молчаливых стен, несомненно, навял множество удивительных историй. Пребывая под впечатлением драматической истории этих мест, она написала в своем письме: *«Вернувшись во Францию, я все время вспоминаю Валь-Жальбер, в который я просто влюбилась. Я решила написать роман, действие которого будет развиваться в этом уголке провинции Квебек. Я опишу эту монастырскую школу, универсальный магазин, почтовое отделение, заброшенную фабрику и, конечно же, уникальной красоты природу, которая все это окружает».*

Разумеется, во многих местах читатель-канадец усмехнется, ведь автор, который прекрасно разбирается в истории и традициях Франции, бессознательно переносит эти традиции и особенности быта с берегов реки Шаранта на берега озера Сен-Жан. Для нас не представляло бы труда «перевести» или адаптировать роман для нашей читательской аудитории, но мы решили этого не делать, сохранив его «французский» колорит.

Хотя интрига романа не раз заставит нас вспомнить героев романа «Мария Шапделен», Мари-Бернадетт удалось с помощью

от начала и до конца придуманной истории передать дух последних лет жизни этого промышленного поселка, который, увы, прекратил свое существование.

И если вы решите посетить это место и вслушаетесь в величественную музыку водопада и шелест кленовых листьев, то, возможно, услышите золотой голос главной героини романа...

Жан-Клод Ларуш

Глава 1

Поселок Валь-Жальбер, 7 января 1916 года

Человек стоял и смотрел на величественное здание монастырской школы святого Георгия. Его растерянный взгляд остановился на металлическом кресте, возвышавшемся над тоненькой колоколенкой. Коричневая вязаная шапочка плохо защищала от пронизывающего ветра, тяжелый рыхлый снег промочил сапоги, но незнакомец всего этого, казалось, не замечал. На фоне ярко освещенных окон то и дело мелькал силуэт монахини в темном платье и белом платке. Несколько раз она подходила к окну, но мужчины не видела — густая тень от еловых ветвей надежно защищала его от любопытных взглядов.

Он был не местный, но, будь на то его воля, с удовольствием бы здесь поселился. Дома жителей Валь-Жальбера были красивыми и удобными. Ходили слухи, что они оборудованы по последнему слову техники — современными системами отопления и даже электричеством. И, глядя на величественное здание монастыря, на яркий желтый свет, льющийся из его окон на улицу Святого Георгия, легко было поверить, что это не выдумки, а чистая правда.

«Стекла, хорошая древесина, крыша... все сработано на совесть, — думал он. — В этот поселок вложено немало денег».

На морозе теплые ароматы выпечки и жареного мяса ощущались особенно остро. От голода у него подвело живот, и он на мгновение закрыл глаза. Представил зажаренные до темной корочки фруктовые пироги, политые кленовым сиропом, и блестящее от жира жаркое из домашней птицы...

«Не для меня все это!» — едва слышно сказал он себе.

Он окинул тревожным взглядом ряд домов, тянувшихся вдоль бесконечной улицы, посередине которой пролежала наезженная многочисленными повозками узкая и обледеневшая дорога.

От монастырского порога мужчину отделяло всего несколько шагов. Подъезд был украшен четырьмя красивыми деревянными колоннами, поддерживавшими большой балкон. Мужчина стоял, переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди какой-то сверток. Со стороны могло показаться, что это звериные шкуры. Трапперы¹ часто заходили в Валь-Жальбер, желая продать местным добытые меха.

Но у этих закаленных невзгодами парней не в обычае было так нежно прижимать свой товар к груди...

Сестра Люсия снова приблизила свое румяное лицо к оконному стеклу. Она только что проверила, все ли в порядке в классе учеников средней школы, самых старших, а порой шумных и недисциплинированных. Она уже начала беспокоиться из-за долгого отсутствия сестры Марии Магдалины, которая отправилась в универсальный магазин купить муки.

— Странно... Ей давно пора вернуться! — проворчала она, задергивая шторы. — И почему только она не надела снегоступы, которые нам подарил господин мэр? Так любезно с его стороны... Ну кому она сделает легче, если упадет и сломает ногу?

---

¹ Траппер (англ. *trapper*, от *trap* — ставить ловушки, капканы) — охотник на пушного зверя в Северной Америке. (Прим. ред.)

Она обернулась и посмотрела по сторонам, желая убедиться в том, что в большой комнате чисто. Пол, сработанные из широких досок внутренние перегородки, парты — все приятно пахло деревом, диким лесом. И все было новым, «с иголки»: школу, которую местные жители окрестили «монастырской», построили этим летом. Сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, из Шикутими, приехали в Валь-Жальбер десятого декабря, то есть почти месяц назад, чтобы обучать детишек. Население поселка постоянно увеличивалось. Целлюлозная фабрика предлагала хорошую зарплату, и люди семьями переезжали и селились здесь, на берегу реки Уиатшуан.

Монахиня погасила свет, с благоговением коснувшись коричневого бакелитового выключателя, который с характерным сухим звуком перекрыл электрический поток. Раньше с электричеством ей сталкиваться не приходилось.

— Не удивлюсь, если с нашей сестрой-разиней что-то произошло... — пробормотала она себе под нос.

Сестра Мария Магдалина знать не знала о том, что остальные монахини считали, будто она через минуту забывает о любом поручении и может заблудиться даже в трех соснах. Поэтому беспокойство сестры Люсии было не столь уж беспочвенным. Однако вопреки всем опасениям молодая монахиня бодрым шагом приближалась к монастырю. Ей пришлось задержаться на товарном складе, располагавшемся на первом этаже здания поселковой мэрии, чуть дольше, чем она рассчитывала, но монахиня об этом ничуть не жалела. Ей нравилось рассматривать товары в ярких упаковках. Их приятные глазу цвета услаждали ее душу, чувствительную ко всему прекрасному. В воздухе витал аромат рагу, такой аппетитный, что прямо слюнки текли... Многим жителям Валь-Жальбера хотелось поговорить с монахинями, которые приехали в поселок совсем недавно. Христовым невестам предстояло учить местную

детвору, поэтому родители не упускали случая познакомиться с ними поближе.

Шагая по улице Святого Георгия, сестра Мария Магдалина вспоминала слова двух покупательниц, с которыми общалась у прилавка.

«Сестра, я мама маленького Овида. У него темные волосы и зеленые глаза. Этому шалопаю нужна твердая рука!»

«Моя дочка Роз в старшем классе. По вечерам она присматривает за младшими братьями. Она очень добрая девочка!»

На улицу крупной рысью вынеслась упряжка. Сестра Мария Магдалина едва успела отпрыгнуть в сугроб. Посередине дороги в глубоком слое снега повозки и автомобили за много дней наездили колею, по которой вынуждены были передвигаться и пешеходы. Большая рыжая лошадь шарахнулась в сторону. Возница приветственно махнул рукой.

Сестра Мария Магдалина поглубже закуталась в свою шерстяную накидку. Ветер был ледяным — казалось, в кожу врезаются крохотные кристаллики толченого стекла. Молодая женщина шла, чуть наклонившись вперед и низко опустив голову, чтобы защитить лицо от ветра. До массивного здания монастыря оставалось пройти несколько шагов — оно возвышалось перед ней, словно мирная гавань, явившаяся по мановению Божьей десницы. Зима только начинается, и скоро ударят настоящие морозы, но как же хорошо, что в мире есть это уютное, наполненное теплом убежище, где так приятно укрыться от стужи...

— Я совсем оконечела, — вздохнула монахиня. — Сестре Люсии надо бы получше следить за остатками провизии. В сильный мороз я не побегу в магазин. Это же надо — праздник, а на кухне нет муки!

Внезапно где-то рядом раздался жалобный возглас, похожий и на крик хищной птицы, и на лисье тьявканье. Этого оказалось достаточно, чтобы не на шутку напугать хрупкую монахиню.

Устремив безумный взгляд к церковной колокольне, она пере-крестилась. Несмотря на то, что улицы по приказу управляющих фабрики были ярко освещены фонарями и совсем рядом стояли жилые дома, у женщины были причины бояться — поселок окружали многие тысячи акров леса, населенного дикими животными.

— Какая же я все-таки трусиха, — вполголоса проговорила монахиня, с облегчением ступая на порог.

На этот раз приглушенное всхлипывание послышалось прямо у нее из-под ног. Сестра Мария Магдалина споткнулась о перевязанный в двух местах веревкой меховой пакет, который лежал у двери. Сердце женщины забилося быстрее, когда она наклонилась, чтобы получше рассмотреть этот странный сверток. Под балконом болтался фонарь, заливая крыльцо тусклым желтоватым светом.

— Ребенок! Совсем маленький! — воскликнула монахиня.

В окружении мехов она рассмотрела сердитое маленькое личико. Ошибки быть не могло.

— Боже милосердный! — пробормотала она, не в силах совладать с изумлением.

Монахиня подняла сверток, уронив при этом мешок с мукой. В это мгновение сестра Люсия открыла дверь.

— Посмотрите, ребенок! — воскликнула сестра Мария Магдалина. — Только человек без сердца мог оставить такую крошку на холоде! Оставить на верную смерть! Быстрее, быстрее впустите меня!

Настоятельница, сестра Аполлония, оказалась тут же, на первом этаже. Нахмурившись, она подошла поближе. Поправив на носу очки, она резким движением развернула шкуры, отчего ребенок заплакал еще громче.

— Зачем вы принесли сюда это дитя? — спросила она. — Сестра Мария Магдалина, отвечайте!

— Но мать-настоятельница, я ведь уже объяснила! Его оставили на пороге! Кто-то положил ребенка на порог, пока я ходила за мукой.

Сестра Аполлония молчала.

— Мать-настоятельница, посмотрите, какой он красный! — подхватила сестра Люсия. — Попробуйте, как горит лобик! Этот ребенок болен!

— Дети часто краснеют, когда сильно плачут, — отрезала настоятельница. — Бедный малыш! Нужно отнести его наверх. Дайте его мне!

Молодая сестра Мария Магдалина подчинилась после недолгого колебания: в свои двадцать три года девушка сохранила обостренную чувствительность, свойственную подросткам. Вид этого свертка и его удивительное содержимое вызвало в ней сильнейшее волнение. Мать-настоятельница выхватила живой сверток. Полы черного платья взметнулись, когда она повернулась и пошла прочь. Ребенок, приоткрыв ротик, переводил дух. Поднимаясь по лестнице, монахиня заглянула в его ярко-голубые, полные слез глазки.

— Какая жалость! — вздохнула она.

Сестра-хозяйка¹ по имени Викторианна как раз готовила суп. Она вскрикнула от удивления, когда настоятельница вошла в кухню со своей ношей.

— В поселке умерла женщина, и этот ребенок остался сиротой? — пробормотала она. — Почему же тогда кюре нас не предупредил?

— С этим мы разберемся потом, — сухо ответила сестра Аполлония. — Ребенка оставили на наше попечение. Откуда бы он ни взялся, мы не можем покинуть его на улице.

---

¹ Монахиня, выполнявшая функции экономки. (Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.)

На втором этаже располагались комнаты монахинь, большой зал и просторная кухня, в которой обитательницы монастыря любили собираться по вечерам. Мебели в кухне было немного — окруженный стульями стол да два стоящих друг напротив друга посудных шкафа. От большой чугунной печи с эмалированными боками распространялось приятное тепло, но все остальные комнаты обогревались системой центрального отопления. В регионе, где температура опускалась ниже сорока градусов по Цельсию, это была настоящая роскошь, и сестры прекрасно об этом знали.

Четыре женщины склонились над ребенком, которого настоятельница положила на стол. Под головой у него вместо подушки была свернутая жгутом тряпка. Когда монахини развернули шкуры, стало ясно, что от детского тельца исходит неприятный запах.

— Он испачкал пеленки, если, конечно, они есть! — проворчала сестра Аполлония. — Мне кажется, ему месяцев десять, а может, и год — во рту полно зубов!

— Как нам его перепеленать? — спросила взволнованно сестра-хозяйка. — У нас нет ни пеленок, ни присыпки. И чем его кормить? Нужен детский рожок! Я могу согреть молока.

Сестра Аполлония не была склонна драматизировать события.

— Наш суп-пюре сгодится. Самое главное сейчас — вымыть его. Лучше сделать это не откладывая.

Монахини дружно принялись за дело. Одна принесла оцинкованный таз, другая налила в него кипятка. Сестра-хозяйка приготовила мыло и несколько кусков чистой материи. Вернувшись к столу, она осмотрела шкурки.

— Мать-настоятельница, а ведь это дорогой мех! Здесь есть куньи и бобровые шкурки. А самая большая — черно-бурой лисицы. Мой отец траппер, я в этом разбираюсь.

— Какая разница? Я ведь не собираюсь обменивать эти шкурки на рынке! — отрезала настоятельница. — Вряд ли этот ребенок из Валь-Жальбера... И все-таки я поспрашиваю у местных.

Если никто не сможет сказать, откуда он и кто его родители, ребенка придется сдать в приют.

Монахини сочувственно закивали головами. Местные мальчишки-сироты воспитывались в сельском приюте братства Святого Жана-Франсуа-Режиса, в районе озера Вовер, на территории муниципалитета Перибонка. Девочкам давали кров в Шикутими, в Центральной больнице Сен-Валье, основанной орденом августинцев милости Иисуса.

Молодая сестра Мария Магдалина с ласковой улыбкой погладила лобик ребенка.

— Мать-настоятельница, если это девочка, мы сможем оставить ее? — с волнением в голосе сказала она.

Сестра Аполлония не ответила. С необычайной ловкостью она стала раздевать ребенка. Из-под шерстяной шапочки показались короткие густые каштановые кудряшки. Когда с ребенка сняли одежды из грубой ткани, оказалось, что его упитанное тельце покрыто красными пятнами.

— Господи! — всполошилась сестра-хозяйка. — Неужели это оспа?

— Оспа! — эхом отозвалась настоятельница. — Отче небесный, спаси и сохрани!

Монахини в беспокойстве переглянулись и одновременно перекрестились. И только сестра Люсия закатала рукава и погрузила в теплую воду чистую тряпочку.

— В двадцать лет я переболела оспой, — сказала она. — Доктор, который лечил меня в Квебеке, сказал, что второй раз люди не болеют. Мои щеки в оспинах, но Господь даровал мне исцеление. Поэтому я не жалею.

Быстрым движением она сняла с попки ребенка последнюю пеленку и стала его обмывать.

— Ага, это девочка! — объявила она. — Матушка, посмотрите, как она щурится! Ей мешает свет. И тельце все горит.

Думаю, родители понадеялись, что мы сможем ее вылечить. Эти бедолаги, наверное, спутали монастырь с больницей! Какое несчастье заставило их оставить такую крошку на нашем пороге?

— Если бы они хотели, чтобы мы ее полечили, они бы постучали и остались, — отозвалась сестра Аполлония. — Добрые христиане не оставляют своих детей на чужом пороге ночью, да еще в такой холод!

Сестра Мария Магдалина украдкой вытерла слезы. Вид больного ребенка вызвал в ее душе бурю эмоций. Молодой монахине хотелось снова взять его на руки, но она боялась заболеть — особенно оспой, от которой многие умирали, а те, кто остался в живых, были обезображены шрамами. Лицо сестры Люсии было тому ярким свидетельством. Сестра Мария Магдалина не осмеливалась даже прикоснуться к снятым с ребенка одежкам. Однако, постригаясь в монахини, она знала, что ее участь отныне — бесконечное самопожертвование и служение всем людям, взрослым и малышам. Настоятельница словно прочитала ее мысли.

— Вымойте руки и лицо холодной водой с мылом, сестра Мария Магдалина! — сказала она. — Бояться нечего. В худшем случае у малышки корь.

Сестра-хозяйка в это время перебирала шкурки, взвешивая каждую в руке. Клочок бумаги упал к ее ногам. Она торопливо подняла его и прочла вслух:

«Нашу дочку зовут Мари-Эрмин. В прошлом месяце, перед Рождеством, ей исполнился годик. Отдаем ее в ваши руки, на милость Господню. Шкурки — задаток за ее содержание».

— А подписи нет! — добавила сестра-хозяйка. — Мари-Эрмин! Какое красивое имя!

Сестра Люсия в свою очередь прочла записку.

— Ее писал образованный человек, — сказала она неодобрительно. — Правильная речь, ни единой орфографической ошибки...

— Ну, записку можно продиктовать и постороннему человеку! — ответила на это сестра-хозяйка. — Как бы то ни было, Эрмин — католическое имя, это уже хорошо.

— Сейчас не время болтать! — отрезала мать-настоятельница. — У ребенка сильный жар, а в Валь-Жальбере нет ни медсестры, ни врача. У людей есть все современные удобства — электричество, телефоны, пансион на двадцать комнат, цирюльня, мясной магазин, но нет врача! Ни одного врача на весь поселок! Кто будет лечить эту бедную малышку? Смотрите, она засыпает. Сестра Люсия, думаю, нужно сообщить обо всем кюре. Боюсь, наш найденыш может не пережить эту ночь!

Услышав это, монахини помрачнели. Мари-Эрмин жалобно всхлипнула и укусила свой сжатый кулачок.

— Похоже, она голодна, — выступила вперед сестра-хозяйка. — Ее одежды мы позже постираем. А сейчас будет лучше, если мы завернем ее в чистую пеленку.

Мать-настоятельница так и поступила. Потом села, держа ребенка на коленях.

— Когда жар, сильно хочется пить, — сказала она. — Сестра Викторианна, у нас есть ивовая кора. Приготовьте настой. Он хорошо снимает жар и утоляет жажду. А вы, сестра Люсия, бегите к кюре. По пути постучитесь к мадам Маруа. Ее сыну полтора года, значит, у нее найдется во что переодеть девочку.

Раздав указания, сестра Аполлония стала баюкать ребенка. Губы ее шевелились. Монахини догадались, что она читает молитву.

* * *

Мужчина все никак не мог уйти. Все прошло так, как он и предполагал, однако он все стоял и плакал навзрыд, хотя, несмотря на теплую одежду, успел продрогнуть до костей. Он пытался успокоить себя, представляя, что происходит сейчас внутри

большого уютного монастырского здания. Монахиня, которая полчаса назад ушла по делам, вернувшись, нашла ребенка на пороге. Завернутая в меха малышка не успела замерзнуть. Двух минут хватило, чтобы добежать до крыльца, когда он понял, что сестра может появиться с минуты на минуту. Теперь, когда жертва принесена, оставалось только повернуться к поселку спиной и исчезнуть. И это было самое трудное. Сердцем он чувствовал, что никогда больше не увидит свою обожаемую девочку. Он был хорошим отцом и жестоко страдал.

В последний раз он посмотрел на монастырь, потом обвел взглядом окрестности. Шел густой снег, но огни фонарей вдоль улицы Сен-Жорж были еще ясно различимы. Он отмахнулся от печальных воспоминаний. Потом наклонился, надел снегоступы и зажег керосиновый фонарь.

«Я мог бы пойти на фабрику рабочим, но туда берут только порядочных людей, — подумал он. — Прости меня, моя дорогая, моя любимая девочка! И все-таки Мари-Эрмин — красивое имя. Не скоро ты услышишь, как родители зовут тебя по имени...»

И он скрылся в густой тени лиственниц. Рассвет еще не наступил, когда снег укрыл его следы. Каждый шаг отдалял мужчину от его ребенка, и ему хотелось кричать от отчаяния.

«Лишь бы только монахиням удалось ее спасти! У нее будет лучшая жизнь, чем у нас!»

Мужчина ушел в глубь леса — темную, бесконечную. Гул реки Уиатшуан преследовал его. Огромный водопад рычал, словно разъяренное животное. Жители Валь-Жальбера давно привыкли к этому звуку. Это был благословенный час, когда они наслаждались теплом в своих кухнях. Жены подавали на стол суп или рагу. Проголодавшиеся мужья и дети сидели за столами и ждали. Домашняя скотина переваривала свою порцию корма в теплых сараях. На улице не было ни души.

«Она вся горела, моя бедная девочка! У нее жар! Она плакала, хотела, чтобы я ее обнял, прижал к груди, — думал мужчина. — Господи, если бы только она уже умела говорить и назвала бы меня «папой», я бы ни за что не смог с ней расстаться!» Мысли, сожаления и острые, как терновые колючки, укоры совести терзали душу. Низкие ветви хлестали его по лицу, рыхлый снег оседал на плечах. Он ускорил шаг. Скоро показалась хижина дровосека. Собаки с косо посаженными глазами и густой белоснежной шерстью встретили его лаем. Они были запряжены в нарты.

— Тихо, мои хорошие, тихо! Мы поедем только завтра!

В хижине слабо горел огонек. На мгновение ему захотелось убежать куда глаза глядят. Может, Лора уже умерла... Злясь на себя за трусость, он вошел. Под старым металлическим котелком едва тлели угли. Свеча еще горела, но фитиль начал потрескивать, утопая в лужице воска.

С кушетки у бревенчатой стены послышался слабый голос:

— Жослин?

— Да, любовь моя. Я вернулся.

Мужчина опустил на колени и провел шершавой рукой по покрасневшей щеке женщины. Лора тяжело дышала, и взгляд ее застилал тот же жар, что изнурял тело их девочки.

— Наша крошка Эрмин в безопасности. Монахини приняли ее. Служительницы Господа ее вылечат. И дадут ей хорошее образование.

— Теперь я могу умереть, — вздохнула молодая женщина. Ее красивое лицо с тонкими чертами приняло умиротворенное выражение. — Но мне хочется пить. Так хочется пить...

Жослин дал ей напиться. Он все время настороженно вслушивался в доносившиеся из леса шумы. Стоило одному из псов заворчать, как он вздрагивал и бросал недобрый взгляд на свое ружье. Он знал, что недруги идут по его следам, как знал и то, что скоро ему придется проститься с единственной в жизни любовью.

Элизабет Маруа в этот вечер подала мужу ужин пораньше. Фабричная смена Жозефа начиналась в одиннадцать вечера, и после ужина он ложился подремать, чтобы на работе чувствовать себя бодрее. Их сын Симон наелся сладкой овсяной каши с кленовым сиропом и тоже уже был в постели.

На печке посвистывал чайник. Элизабет было девятнадцать. Свой дом она содержала в чистоте и порядке. Жить в Валь-Жальбере ей очень нравилось. На фабрике рабочим хорошо платили, дом был уютным и теплым. Распустив волосы, она провела расческой по каскаду темно-русых локонов. Зеленоглазая, миниатюрная, с хорошей фигурой, она каждый вечер посвящала несколько минут уходу за собой. Сидя в ночной сорочке без рукавов, она с удовольствием поглядывала на дождавшуюся ее лохань с теплой водой. И тут в дверь постучали.

Молодая женщина быстро надела блузку из хлопчатобумажной ткани, но застегиваться не стала — просто накинула поверх шаль.

«Кто бы это мог быть? — недоумевала она. — Если эта Анетта опять пришла за сахаром, я выскажу ей все, что думаю!»

Анетта Дюпре, крепкая тридцатидвухлетняя мать четверых детей, без зазрения совести пользовалась запасами своих соседей. Поэтому, когда Элизабет открыла дверь, вид у нее был нерадостный. На пороге стояла сестра Люсия в присыпанной снегом накидке. Увидев под капюшоном белый монашеский покров, молодая женщина вздохнула с облегчением.

— Входите, сестра, прошу вас! Что заставило вас выйти в такую непогоду?

— О, это еще не непогода, — отозвалась монахиня. Она остановилась на пороге, оббивая снег с тяжелых башмаков. — Снег все же лучше, чем мороз, от которого кровь стынет в жилах. Да что там кровь — мозги замерзают!

Сестра Люсия украдкой посматривала по сторонам. До сих пор ей не представлялось случая побывать в доме у кого-нибудь из местных жителей. Белые стены, светло-коричневые плиткусы — все было безупречно. Пол из широких крашенных желтой краской досок пахнул воском.

— У нас большое несчастье, мадам Маруа! — сказала монахиня, любуясь окаймленными кружевом льняными шторами.

— В монастыре? — удивилась Элизабет.

— Да! У своих дверей мы нашли годовалую крошку, завернутую в меховые шкурки. Бедная девочка очень больна. Мать-настоятельница послала меня за кюре Бордеро, чтобы он совершил над ней соборование. Это таинство творит чудеса! Но нам нужна еще и одежда, поэтому сестра Аполлония подумала о вас. Ведь ваш сын всего на полгода старше этой малышки. Хорошо, если бы нашлось и несколько пеленок...

— Конечно, конечно! — воскликнула молодая женщина. — Бедная девочка! Я принесу все, что нужно. Вещи наверху, в комнате Симона. Присаживайтесь, сестра!

Элизабет повернулась к гостье спиной и стала застегивать блузку, пытаясь в то же время вспомнить имена четырех монахинь.

«Значит так... Сестра Аполлония — это настоятельница, она носит очки и преподает в старших классах. Сестру-хозяйку зовут Викторианна, она занимается с малышами. Еще есть эта красивая девушка, сестра Мария Магдалина, у нее ангельская улыбка. Значит, в гостях у меня четвертая, сестра... сестра...»

Вспомнить имя никак не получалось. Но через мгновение эта забота отошла на задний план — когда сестра Люсия взволнованно сказала:

— Мы боимся, что это оспа! Ребенок весь горит, и по всему тельцу красные пятна!

Элизабет невольно отшатнулась, стукнувшись о буфет. Меньше всего ей хотелось заразиться такой страшной болезнью. Еще больше она испугалась за сына.

— Оспа ведь очень заразна, сестра! — испуганно пробормотала она. — Вашу школу нужно закрыть!

— Первое, что нужно, — это молиться, — наставительно проговорила монахиня.

«Бог мой, неужели она не понимает? — думала Элизабет, торопливо поднимаясь на второй этаж. — Я верю в Бога, но молитвами оспу не вылечишь!»

Все дома, в которых жили рабочие целлюлозной фабрики, были построены по одному проекту. На первом этаже кухня и гостиная, на втором — две спальни, разделенные коридором. В тридцати футах от дома семьи Маруа стоял точно такой же дом. Там-то и жила достопочтенная Анетта Дюпре.

— Жозеф, проснись, это важно! — позвала женщина, тормоша мужа.

Приоткрыв глаза, он откинул простынь и шерстяное одеяло. Месье Маруа, красивый двадцативосьмилетний мужчина, гордился своей супругой и в семейной обстановке ласково звал ее «Бетти». Он сел в постели и протер глаза. Его темные волосы были взъерошены. Под майкой виднелись развитые мускулы.

— Жозеф, монахини взяли к себе больную оспой малышку. Ужасно, если болезнь пойдет дальше. Наш Симон может умереть или остаться изуродованным до конца жизни!

— Откуда ты знаешь? — сердито спросил он.

— К нам только что пришла монахиня и попросила одежду для ребенка. Девочку оставили у них на пороге. Жозеф, мне страшно.

Элизабет включила лампу в изголовье кровати. Золотистый свет упал на ее красивые кудри. Муж поцеловал ее в губы и погладил по щеке.

— Не переживай напрасно. Кюре все уладит! Когда ребята на фабрике узнают новость, разговоров будет! Бетти, дай монахине, что она хочет, а потом никому не открывай дверь.

— Как это? — пробормотала изумленная Элизабет. — А кто утром подоит корову и покормит кур?

— Ты выйдешь с заднего хода и не пойдешь дальше нашего двора, договорились? Если тебе что-нибудь понадобится, я сам схожу в магазин.

Женщина кивнула, соглашаясь. Она все еще не могла понять, каким образом эти меры предосторожности могут защитить их от заражения оспой.

— Ты ведь тоже можешь заразиться! — выпалила она.

— Мужчины крепче женщин, Бетти, — отрезал муж.

Жозеф потянулся. Было бы хорошо полежать в постели еще часок или два, но он встал и начал одеваться. Элизабет же на цыпочках вошла в комнату сына. Симон мирно спал в своей небесно-голубой деревянной кроватке, которую смастерил для него своими руками отец.

— Мое сокровище, моя крошка! — нежно пробормотала женщина, склоняясь над мальчиком.

Она быстро собрала ворох одежды, пригодной для годовалого ребенка. Не без сожаления (ведь она старательно сшила их сама) вынула из шкафа шесть двуслойных пеленок — с одной стороны хлопчатобумажных, с другой — махровых.

Сестра Люсия вежливо поблагодарила хозяйку. Она робела в присутствии Жозефа — крепкого парня шести футов роста, посматривавшего на нее не слишком дружелюбно. Месье Маруа спустился раньше жены и поздоровался с монахиней на расстоянии. Пытаясь быть вежливой, та заговорила первой:

— Я слышала, как наш мэр рассказывал о вас, месье Маруа! В прошлом году вы выиграли конкурс на самый красивый

сад, не правда ли? Мне очень хочется увидеть Валь-Жальбер в летнем наряде, в цветах и листьях! Должно быть, это прекрасное зрелище!

— Хм...Если наши дети умрут от оспы, вряд ли кто-то станет заниматься садоводством.

Монахиня не нашла слов для ответа. Дом семьи Маруа она покинула с тяжелым чувством. Слова Жозефа камнем легли на сердце. Он был прав. Она направилась к дому священника. Как и сестра Мария Магдалина, она не стала надевать снегоступы. Снег скрипел под ногами.

— Бог мой, а мороз-то усиливается!

Она перешла через улицу Сен-Жорж, то и дело поглядывая на крест над церковной колокольней. Ладный домик священника построили рядом с красивой, внушительных размеров деревянной церковью.

Отец Альфонс Бордеро¹ с замечательным усердием заботился о своих прихожанах. Когда кто-то из них нуждался в его услугах, святой отец готов был пожертвовать своим покоем и отдыхом. Отец Бордеро был первым кюре поселка. Пять лет назад, в октябре 1911 года, население Валь-Жальбера радушно приветствовало вновь прибывшего, предоставив в его распоряжение новенькую церковь. До этого события службы проходили в скромной часовне, возведенной напротив здания фабрики несколькими годами ранее.

Монахиня вздохнула с облегчением, заметив свет в окне, и постучала.

— Сестра Люсия! Что случилось? — обеспокоенно спросил кюре, приглашая ее войти.

Монахиня в нескольких словах рассказала о случившемся.

---

¹ В действительности первым кюре поселка Валь-Жальбер был аббат Жозеф-Эдмон Трамбле. Этот пост он занимал с 1911 по 1927 гг.

Недавно открытая монастырская школа могла превратиться в рассадник опасной болезни. Мысль о карантине напрашивалась сама собой. Об этом думал кюре Бордеро, переступая монастырский порог. Он делал все возможное для того, чтобы жизнь в Валь-Жальбере протекала мирно и безмятежно. Именно поэтому кандидаты на трудоустройство проходили жесткую процедуру отбора. Ни фабрике, ни образцовому поселку, построенному по задумке основателя фабрики месье Дамаза Жальбера, не нужны были пьяницы и неблагонадежные типы. Желающих получить работу в Валь-Жальбере становилось все больше, и всем им требовалось жилье. Будущим летом в поселке планировалось построить новые дома. Поговаривали даже о том, чтобы сделать третью улицу, а потом и четвертую. Их якобы уже внесли в земельный кадастр...

— Известно ли вам, сестра, — сказал он вдруг, — что вторая улица поселка, улица Сен-Жозеф, была проложена в тысяча девятьсот тринадцатом — в том самом году, когда месье Дюбюк, директор компании, переименовал водопад Уиатшуан в честь основателя фабрики месье Жальбера? Наш муниципалитет процветает, фабрика обеспечивает своим работникам достойную жизнь. Если начнется эпидемия, это будет для всех большим несчастьем. Помолится же о том, чтобы наши опасения не оправдались!

— Я молюсь, отче, все время молюсь...

Мать-настоятельница за это время ни разу не встала со своего стула. Ребенок дремал у нее на руках. Кюре она приветствовала, прикрыв веки.

— Спасибо, что пришли, святой отец! — сказала она. — Какая жалость, что в таком благополучном и цивилизованном поселке, как наш, нет своего доктора! У этой малышки сильный жар. Я опасаясь худшего.

— Больных и раненых мы на поезде отправляем в Роберваль. Отсюда до Роберваля недалеко, вы сами убедились в этом,

когда ехали в Валь-Жальбер. А сейчас я хотел бы осмотреть малышку. Молодым семинаристом я видел много оспенных больных. От этого недуга умерло множество индейцев, но белые его переносят лучше.

— Вот и я тоже выздоровела! — быстро вставила сестра Люсия.

Кюре мельком взглянул на ее изрытое оспой лицо. Кивнув, он склонился над ребенком.

— Думаю, это не оспа, а корь! — заключил он после тщательного осмотра. — При оспе на коже появляются пустулы, а не пятна. Зная, что в поселке нет доктора, я изучал основы медицины. Сыпь, которая вас так напугала, знаменует переломный момент в болезни. Малышка и правда вся горит, но начиная с завтрашнего дня жар, скорее всего, начнет спадать. Кто еще знает о случившемся?

— Жозеф и Элизабет Маруа, — ответила сестра Люсия. — Сначала я зашла к ним. Малышке нужны были пеленки и одежда.

На лице кюре Бордеро отразилось беспокойство.

— Жозеф прекрасный работник и отличный парень, но при этом паникер и баламут. Он работает в ночную смену. Значит, еще и петух не пропоет, как полместечка будет охвачено паникой. А может, не половина, а больше... Я позвоню доктору Демилю¹ в Роберваль. Его заключение понадобится, чтобы успокоить прихожан.

Монахини занялись приготовлением ужина. И только мать-настоятельница, которая часто постилась, так и осталась сидеть, баюкая ребенка.

— Это очень странно, отче, что мы, едва устроившись на новом месте, находим у своих дверей подкидыша, — сказала она. — Провидение ли направило к нам его родителей? Откуда

---

¹ Настоящее имя доктора — Делисль.

взялась Мари-Эрмин? И где будет жить, когда выздоровеет, если Господь дарует ей эту милость?

— Признаюсь, я удивлен и огорчен этим случаем, — ответил Кюре. — Благополучные семьи не бросают своих детей на произвол судьбы, тем более таких маленьких. Конечно, я попытаюсь что-нибудь разузнать. И как можно скорее устрою девочку в приют Нотр-Дам-де-Сен-Валье. А пока найду кормилицу, потому что вы не сможете оставить ее в монастыре. Придется объявить карантин, сестра Аполлония. Досадно, ведь школа открылась незадолго до Рождества... И ученики еще не успели к вам привыкнуть.

— Отче, а кто же будет проводить занятия? — удивилась сестра Мария Магдалина.

— До вашего приезда школа располагалась в доме недалеко от церкви. Пока учить детей буду я. Сестра Люсия будет мне помогать, потому что она уже переболела оспой. Даже если речь идет о кори, карантин нельзя отменять. Эта болезнь тоже очень заразна. Она вызывает сильную температуру и головную боль и может дать серьезные осложнения. Мы не можем рисковать здоровьем детишек Валь-Жальбера.

Настоятельница едва заметно кивнула, соглашаясь. Маленькая Мари-Эрмин спала у нее на груди. В эту минуту больше как женщина, чем как монахиня, она настороженно ловила каждый вздох ребенка, со страхом ожидая, что он может оказаться последним.

— Мне кажется, что температура спадает, — сказала она наконец, обращаясь к сестре-хозяйке. — Настой ивовой коры пошел ей на пользу.

Кюре Бордеро посмотрел на нее неодобрительно.

— Вы не должны слишком привязываться к этому ребенку, сестра, — сказал он наставительно. — Господь доверил нам девочку, но ей среди нас нет места. И тем более ей нельзя оставаться в монастыре.

Сестра Аполлония чувствовала себя так, словно ее уличили в чем-то постыдном. За то время, пока она баюкала этого измученного жаром, готового в любую минуту умереть ребенка, ее суровость таяла, как снег на солнце. Она поймала себя на том, что с радостью думает о карантине, благодаря которому окажется запертой в четырех стенах рядом с маленькой Мари-Эрмин.

— Поступайте, как считаете нужным, отче, — сказала она. — В нашу школьную программу мы включили арифметику, катехизис, французский язык и географию.

— А еще — историю Канады и историю христианской церкви! — добавила сестра Мария Магдалина.

— Я это учту, — кивнул кюре. — Доброй ночи, сестры. Завтра я вернусь с доктором Демилем.

Он перекрестил лоб маленькой Мари-Эрмин.

* * *

Элизабет смотрела вслед мужу. Уходя, он надел меховую куртку и закрывающий уши картуз. Каждый день, в любую погоду, она встречала его с работы, стоя на крыльце. Снег прекратился, небо прояснилось. Судя по россыпи звезд в просветах между уходящими прочь тучами, грядущий день обещал быть холодным. Элизабет показало, что мороз крепчает с каждой минутой. Даже тишина звучала по-другому — ее нарушало едва слышное потрескивание. Холод действовал на нее угнетающе, хотя она выросла в этих краях — на берегу озера Сен-Жан, которое зимой превращалось в обширное белое пространство.

— Бедный мой Жозеф! Как трудно на ночь глядя уходить из дома! А ведь сегодня его бригада чистит прессы...

Как и остальные жительницы поселка, она никогда не бывала на фабрике. Но в магазине речь часто заходила о тяжелых условиях работы. В цехах целлюлозной фабрики было влажно, потому что они находились в непосредственной близости от

гигантского водопада. Пол был скользким, а жернова, станки и гидравлические прессы издавали ужасный шум.

— Побалую его сладкими оладушками, — пообещала себе Элизабет.

Она была из породы хороших жен, которые стараются всячески угодить своим мужьям. В Валь-Жальбере таких было большинство. Мужья, возвращаясь с работы домой, переодевались в теплую чистую одежду и пили горячий кофе с домашней выпечкой. Элизабет любила Жозефа всем сердцем. Они поженились три года назад, и очень скоро Бог послал им ребенка, сына.

Молодая женщина с тревогой посмотрела на монастырь. Больная оспой девочка-подкидыш не шла из головы. Порядок, дисциплина, дух товарищества и образцовые нравы царили в поселке Валь-Жальбер. Жозеф, поцеловав ее, сказал: «Этот больной ребенок еще задаст всем хлопот». Элизабет вернулась в дом и дважды повернула ключ в замке.

* * *

Сестра Аполлония боролась со сном. Мари-Эрмин она уложила на своей постели. Из одежды на спеленатой девочке была одна лишь маленькая хлопчатобумажная распашонка. Настоятельница решила, что жар спадет скорее, если ребенка не слишком кутать. Во времена своего послушничества ей часто приходилось ухаживать за больными в Центральной больнице Сен-Валье в Шикутими, и этот опыт не раз ей пригодился.

Малышка металась и хныкала. Стоящий на столике у изголовья кровати ночник освещал ее усеянное пурпурными пятнами лицо.

— Бедный ангелочек! — вздохнула монахиня.

Зажав в руках четки, она стала молиться. Несмотря на глупую набожность, сестра Аполлония, урожденная Тереза Бушар, тонула в раздумьях.

Літературно-художнє видання

ДЮПЮИ Марі-Бернадетт

Сирітка. Книга 1

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*

Відповідальний за випуск *С. О. Сіліч*

Редактор *К. В. Редьковська*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректори *О. К. Волинна, Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 25.04.2019. Формат 70x100/32. Друк офсетний.

Гарнітура «Literatmaua». Ум. друк. арк. 12,255.

Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»

Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua

61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ДЮПЮИ Марі-Бернадетт

Сиротка. Книга 1

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Ответственный за выпуск *С. А. Силич*

Редактор *Е. В. Редьковская*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректоры *О. К. Волинна, Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 25.04.2019. Формат 70x100/32. Печать офсетная.

Гарнитура «Literatmaua». Усл. печ. л. 12,255.

Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»

Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua

61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Зимова ніч 1916 року. Що привело цього тремтячого від холоду чоловіка на поріг монастирської школи? І чому він так ніжно притискає до грудей згорток, перш ніж його залишити? Чи замислювався хтось, яке майбутнє чекає на це загорнуте в дороге хутро немовля?

Дюпюи М.-Б.

Д96 Сиротка. Книга 1 / пер. с фр. Н. Чистюхиной ; предисл. Е. Редьковской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 304 с.

ISBN 978-617-12-6440-3

ISBN 978-2-89431-391-6 (фр.).

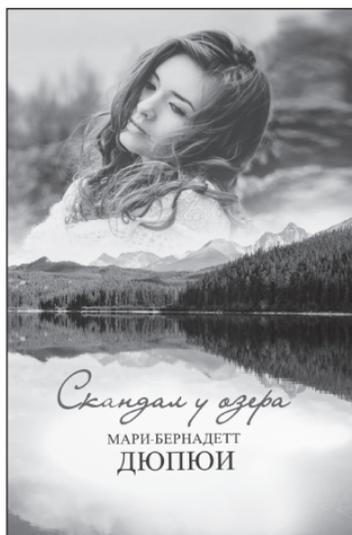
Зимняя ночь 1916 года. Что привело этого дрожащего от холода мужчину на порог монастырской школы? И почему он так нежно прижимает к груди сверток, прежде чем его оставить? Кто бы мог подумать, какое будущее ждет этого укутанного в дорогие меха младенца?

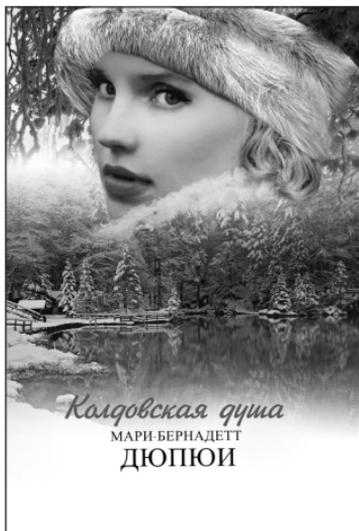
УДК 821.133.1

Молодая баронесса Амелия — любимица императрицы Сиси. После смерти жениха Амелия отправляется во Францию, к чете маркизов де Латур, и по просьбе императрицы остается жить у них. Однажды девушка замечает, что Эдмон де Латур проявляет к ней интерес. Амелия боится признаться себе в том, что тоже испытывает чувства к маркизу, ее влечет к нему с невероятной силой. Девушка не догадывается, что он влюбился в нее много лет назад. Но ведь маркиз женат, а Амелия хранит тайну своего прошлого...

Когда-то Жасент Клутье была счастлива рядом с Пьером. Она нуждалась в нем, как в воздухе. Но со временем чувства ослабли, любовь стала безрадостной. И вот еще одно страшное событие настигло семью Клутье: их любимая, прекрасная Эмма свела счеты с жизнью. Жасент, старшая сестра Эммы, ищет настоящую причину гибели девушки. Вместе с близнецами Сидони и Лориком они раскрывают самые сокровенные секреты Эммы и понимают, что на самом деле ничего не знали о ней. Их милая и нежная сестра жила двойной жизнью... Какую скандальную тайну она скрывала от семьи? Тайну, которая стала причиной ее смерти...

Сен-Прим, 1929 год. Ненадолго в семье Клутье воцарился мир. Жасент и Пьер соединили свои сердца клятвой вечной верности. Лишь Сидони все так же страдает от грешной страсти к своему брату Лорику. А что, если Лорик встретил новую любовь далеко от дома, на другом конце Канады?.. Сидони пытается забыться в объятиях жениха Журдена, но не может быть близка с ним. Тайны прошлого, тайны сестры Эммы и покойных родителей не дают покоя сестрам и их брату. А ключи от всех секретов хранит в своей колдовской душе мудрая знахарка Матильда...